

Научная статья

УДК 261.8

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.1>

Универсальное и локальное в ракурсе плюралистической и контекстуальной теологии

Олег Фёдорович Гаврилов¹, Ольга Ивановна Жукова², Евгений Фёдорович Казаков³

^{1,2,3}Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹gof57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4995-3908?lang=ru>

²oizh@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9689-208X>

³kemcitykazakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513?lang=ru>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу весьма представительных в католической и протестантской философской мысли идей плюралистической и контекстуальной теологий. Являясь отражением встречных культурных процессов на универсализацию и, напротив, диверсификацию социума, они предлагают свои версии реформирования христианской традиции. В результате исследования были показаны совпадения некоторых исходных оснований данных концептуализаций и специфика каждой из них. Их представители, исходя из признания разнообразия религиозного опыта, видят перспективы развития христианства по-разному. В плюралистической теологии эта множественность должна занять подчинённое место по отношению к универсальным смыслам, а в рамках контекстуальной теологии, напротив, общее содержание христианства дезавуируется в ущерб локальным центрам религиозной жизни. Авторы делают вывод, согласно которому обе эти версии реформирования христианства представляют собой более или менее осознанные усилия по деформации, а в конечном счёте и разрушению христианства.

Ключевые слова: христианство, глобализация, экуменизм, постмодернизм, плюралистическая теология, контекстуальная теология, истина, диалог, сакральность

Для цитирования: Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф. Универсальное и локальное в ракурсе плюралистической и контекстуальной теологий // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 14–19. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.1>.

Original article

Universal and local in the perspective of pluralistic and contextual theologies

Oleg F. Gavrilov¹, Olga I. Zhukova², Evgeny F. Kazakov³

^{1,2,3}Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹gof57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4995-3908?lang=ru>

²oizh@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9689-208X>

³kemcitykazakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513?lang=ru>

Abstract. The study deals with a comparative analysis of the ideas of pluralistic and contextual theologies, which are very representative in Catholic and Protestant philosophical thought. Being a reflection of counter cultural processes aimed at universalization and, on the contrary, the diversification of society, they offer their own versions of reforming Christian tradition. As a result of the study, the coincidences of some initial foundations of these conceptualizations and the specifics of each of them were shown. Their representatives, based on the recognition of the diversity of religious experience, see the prospects for the development of Christianity in different ways. In pluralistic theology, this plurality should take a subordinate place in relation to universal meanings, and in contextual theology, on the contrary, the general content of Christianity is disavowed to the detriment of local centers of religious life. The authors conclude that both of these versions of reforming Christianity represent more or less conscious efforts to deform, and ultimately destroy Christianity.

Keywords: Christianity, globalization, ecumenism, postmodernism, pluralistic theology, contextual theology, truth, dialogue, sacredness

For citation: Gavrilov, O.F., Zhukova, O.I. & Kazakov, E.F. (2022) Universal and local in the perspective of pluralistic and contextual theologies. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 14–19. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.1](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.1). (In Russian).

Современное общество является полем столкновения встречных тенденций, одна из которых аккумулирует стремление к универсализму, а другая противостоит ему, демонстрируя желание какой-то части социума сохранить самобытность и выразить свою уникальность. Эти тенденции проявляются в разных сферах общества: экономике, финансах, политике, образовании, искусстве.

Присутствуют они и в религиозной жизни человечества, безусловно, затрагивая и христианство. В некоторых случаях тяготение к противоположным полюсам в организации религиозной жизни происходит турбулентно, но в основном регулируется концептуальными проектами, в частности такими, как плюралистическая теология и контекстуальная теология. Поскольку идеи, рождённые в рамках этих концептуализаций, оказывают значительное влияние на современный религиозный процесс, их изучение в ракурсе не только явного, но и скрытого потенциала оказывается актуальным. Задачей данного исследования является попытка сравнительного анализа логики, определяющей содержание каждой из этих доктрин, и их влияния на сохранение христианской традиции.

Глобализация – тенденция к универсализму. Поэтому мировые религии, представляющие собой объединительную силу, точки притяжения, на первый взгляд, можно рассматривать как фактор, содействующий этой тенденции. Духовное родство единоверцев стало, как следствие общности религиозных смыслов, условием появления оригинальных культур, контуров социальных моделей, особенностей коммуникации, сформировавшихся в лоне буддизма, христианства, ислама. Они – целые миры, в которых сосуществуют множество людей, большое количество стран. И то, что внутри этих миров возгораются, тлеют и утихают конфликты, чтобы затем опять повторить этот цикл, отнюдь не противоречит закономерностям глобализации. Последняя совершенно не исключает напряженности между её участниками.

Тенденции глобализации находят выражение в контексте экуменического движения, имеющего своих сторонников и на Западе, и в нашей стране. Они выступают за открытость общения между религиозными центрами, продуктивный диалог и сотрудничество между ними. Но последовательное развитие этой установки и доведение её до предельного выражения (а в отдельных высказываниях представителей данного движения это наблюдается) демонстрирует стремление к преодолению конфессиональных границ с последующим слиянием христианских церквей в нечто целое. Эта позиция достигает максимального проявления в мотивации сторонников суперэкуменизма, которые видят свою цель в объединении всех религий.

Философским инструментарием экуменизма является плюралистическая теология (Дж. Хик, П. Книттер, У. К. Смит, А. Пиерис), суть которой состоит в том, что ни одна из конфессий не вправе претендовать на обладание истиной в последней инстанции. Абсолют в качестве объекта веры имеет трансцендентный характер и потому скрыт от непосредственного восприятия. Те смыслы, которые декларируются внутри религиозных традиций, в лучшем случае могут претендовать только на статус истин относительных. Ведь «...разные религии описывают не трансцендентное само по себе, а лишь его различные преломления или отражения различными способами, что возможно благодаря нашим разнообразным человеческим культурам», – излагает ход мысли представителей плюралистической теологии М.Ю. Хромцова (2019: 225–226). Вместе с тем обвинения в релятивизме сторонниками данной позиции отвергаются на том основании, что наличие Абсолюта, пусть и недостижимого в имманентной реальности, ими тем не менее признаётся. Стремление к нему находит разные, но равные по своей значимости и правам направления. Они множественны, но каждое из них, открывая собственный ракурс Божественного, может внести свой вклад в преодоление изоляционизма различных конфессий и достижение единства церквей.

Стремление придерживаться другого взгляда, абсолютизировать религиозные смыслы отдельных конфессий рассматривается сторонниками плюралистической теологии не иначе как идолопоклонство. Сценарий «деабсолютизации» веры, предлагаемый ими, закономерно приводит к утверждениям, что, например, уникальность Христа надо пересмотреть, поскольку такое восприятие делает христианское богословие местническим (Cobb, 1987: 88), а истина и святость заключены не только в Священном Писании, но распределены по конфессиям. Поэтому воплощение, вочеловечение и явление Христа воспринимаются уже как конфессиональная зашоренность, препятствующая «открытому» взгляду на мир. Достижение желанной инклюзивности намечается на пути трансфера от христоцентризма к теоцентризму. Впрочем, слияние всех церквей в нечто единое в качестве первоочередной задачи пока не рассматривается. Радикальность такого намерения смягчается утверждением, что отказ от амбиций на причастность к абсолютной истине в виде сакральных смыслов отдельных религий может стать лишь условием диалога между церквями.

Название противоположной глобализации тенденции, которая присутствует в религиозной жизни, подобрать не просто, поскольку ее представители выражают иногда весьма противоречивые и, по нашему мнению, не до конца отрефлектированные идеи. На первый взгляд, то, что противостоит глобализации, в определённом отношении может восприниматься как антиглобализм. Это так, но только если не учитывать намерение некоторых сторонников этой религиозной тенденции распространить своё понимание перспектив религиозной динамики как можно шире, привлекая к себе наибольшее число людей. А это – по существу глобалистские цели. Если же

рассматривать глобализацию в основном как детище проекта «модерн», то его отрицание может быть обозначено как «постмодерн». Выбор этого названия для обозначения данной тенденции в определённой степени обоснован уже тем, что на её концептуальное оформление, в том числе и в сфере религиозной активности, повлияла постмодернистская литература с её обращённостью к темам интерпретации, толерантности, диалога. Да и на практике это направление культурной динамики демонстрирует те особенности, которые стали предметом исследования именно в рамках постмодернизма. Речь идёт о поиске новых ценностей и целей в культурном наследии прежних поколений, декларировании вариативности исторического развития и культурного плюрализма. Это значит, что использование термина «постмодерн» для обозначения антитезы глобализма является оправданным. Но противопоставлять глобализацию и постмодерн, видимо, надо с осторожностью, поскольку культурные формы, в которых происходит отрицание модерна, заставляют трансформироваться как феномен глобализации в целом, так и позиции теологов-модернистов в частности.

Философское осмысление тенденции, противостоящей универсализации в сфере религии, достигается на основе методологии контекстуальной теологии. Уже само это название говорит об убеждении её представителей в том, что сакральные смыслы могут раскрываться только в определённом контексте, т. е. с точки зрения, как бы мы это назвали, определённой «локации», но не только в пространственном смысле этого термина, а в более широком – историческом, культурном, гендерном и пр. Центров много, и теология (точнее уже – теологии) должна исходить именно из этого. Так, например, необходимость учёта регионального контекста продиктовано логикой, согласно которой типичный христианин сегодня – это отнюдь не белый европеец, а чернокожий житель Нигерии или смуглолицый гватемалец. Теология не должна игнорировать также запросы женщин или представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, её задача состоит в том, чтобы своеобразие этих групп нашло отражение в опыте христианства. То ненормативное, что пребывает в тени, но при этом продолжает оставаться в церкви, следует открыть свету. Всё это «...странное и темное принадлежит к церковному бытию, а не инородно по отношению к нему» (Шишков, 2021: 71). Богословие должно с необходимостью принимать во внимание особенности повседневной жизни этих людей, своеобразие их ценностных приоритетов, образования, менталитета и т. д. Причём не просто принимать во внимание, а принимать оптику конкретной общности в качестве доминанты. Так, Е.А. Степанова (2021: 19) отмечает: «Главная особенность теологий этого типа – это сознательное и подчеркнутое помещение конкретного контекста в самый центр теологической рефлексии (кроме опыта угнетения, это могут быть гендерные, экологические, расовые, этнические, медицинские, сексуальные и другие проблемы)». Последователи идей контекстуальной теологии рассматривают традиционные трактовки христианского вероучения как гегемонистские и европоцентричные, а принятый старой Церковью директивный тон подвергают критике и на этом основании лишают его легитимности.

Кажется, что принципы плюралистической и контекстуальной теологий во многом совпадают, поскольку вроде бы там и там говорится о множественности: в одном случае – о множественности путей к Богу, в другом – о множественности контекстов, в котором он открывается. Но на самом деле это не так, поскольку в рамках плюралистической теологии наблюдается намерение эту множественность растворить в универсальном, т. е. в конечном счёте преодолеть её. А в границах контекстуальной теологии происходит редукция универсального к частному (локальному) в лице субъекта, ценности, смысла. Каждая из этих позиций имеет свою логику, каждая содержит своё основание, поскольку идеи, заложенные в них, рождены не столько в кабинетах учёных, сколько в обстоятельствах, определяемых потребностями самой жизни. И тем не менее обе они содержат в себе определённые противоречия и, более того, несут угрозы сохранению христианской традиции.

Экуменизм как эманация глобализма, используя концептуальный инструментарий плюралистической теологии, стремится к созданию универсальной религиозной среды. Это – путь к диалогу, преодолению противоречий, достижению согласия. К этому в принципе стремятся все мировые религии. Но универсализм мировых религий не тождественен процессам глобализации, стирающей границы между обществами во всех сферах: экономике, финансах, образовании, стандартах общежития. Природа религий иная. Каждая из них уникальна, и эта особенность указывает на границу, до которой тенденция к универсальности может распространяться. Выход за эти рамки чреват утратой самобытности. Более того, на этом пути религию как таковую ожидает перерождение. Отступая от своей уникальности, религия растворяется, а на её месте появляется что-то совсем другое. В этом отношении, например, предложения отказаться от самого понятия «религия» и заменить его некой «духовностью» являются весьма показательными. За ними угадывается давнее ожидание радикалов от атеизма «смерти Бога», смерти религии. Духовность, противопоставляе-

мая религии, «понимается как поворот человека от традиции, церковности к человеческой субъективности, самореализации, внутреннему миру человека, для которого главный авторитет – он сам, это – переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников к самому человеку» (Руткевич, 2014: 6). Вероятно, что данное суждение можно рассматривать как описание духовности, но отражения в нём особенностей религии точно нет.

Защитники плюралистической теологии правы в том, что её принципы могут стать условием для диалога между религиями, деноминациями, конфессиями. Его организация и проведение отнюдь не просты. С.В. Мельник предлагает оригинальную классификацию межрелигиозного диалога – «полемический», «миротворческий», «когнитивный», «партнерский» – и его конкретных видов, широко иллюстрируя её конкретными примерами межконфессиональной коммуникации, вместе с тем он констатирует, что «каждая религия как особая мировоззренческо-ценностная система утверждает свою исключительность и является органически целостной, самодостаточной. В связи с этим, с точки зрения религиозного сознания, возможные мотивации для вступления в диалог с представителями другой религии весьма ограничены» (Мельник, 2019: 211). Диалог возможен большей частью тогда, когда его участники исходят из относительности и, значит, возможного несовершенства своей позиции. В ситуации диалога религиозный догматизм оказывается препятствием. Максимализм, возводящий некие суждения в Абсолют, в диалоге непродуктивен. Результатом успешного диалога может быть только феномен понимания, а оно, в свою очередь, предполагает способность поставить себя на место другого, в той или иной степени принять его соображения как собственные, корректируя в результате свою позицию.

Однако надо понимать, что тот диалог, к которому призывают сторонники экуменизма и плюралистической теологии, в перспективе может привести к отказу от христианства как такового и конструированию какой-то другой религии. А может быть, уже и не религии? Принижение своей уникальности закономерно ведёт к отказу от претензии на право обладания конечной истиной. Например, призыв к переходу от христоцентризма в сторону теоцентризма, который звучит от некоторых теологов, по существу означает приглашение к началу тризны по христианству. Ведь для христианского вероучения образ Христа является краеугольным. Воплотившийся Бог, ставший человеком «ради нас, людей, и ради нашего спасения», представляет собой суть христианского вероисповедования, т. е. истину, которая для христиан носит абсолютный характер. Теоцентризм же в данном контексте есть не что иное, как призыв к вере в абстрактного бога, который категорически закрыт для непосредственного общения, оставаясь за гранью трансцендентной реальности. Последняя в ракурсе этого подхода принципиально недостижима подобно кантовской «вещи в себе». Поэтому субъекты религиозной жизни оказываются носителями относительных истин или, опять используя кантовскую терминологию, трансцендентальных ценностей своей культуры. При этом сторонники плюралистической теологии отрекаются от того, что их можно заподозрить в релятивизме. Но сделать это убедительно невозможно: тот, кто отказался от абсолютного, сознательно обрекает себя на пребывание в границах условного.

Инклюзивный подход, который продвигается в рамках экуменизма и плюралистической теологии, игнорирует догматическую природу религии. Последняя, в частности, проявляется в том, что религиозные истины принимают безусловно, они изрекаются, утверждаются, они диктуют. Конечно, эта особенность отнюдь не означает, что религиозная жизнь – ничем не прерываемый, равномерно развёртываемый монолог. На деле, поскольку Церковь – сложный организм, её развитие постоянно сопровождается и подпитывается столкновением мнений, дискуссиями, подчас непримиримыми или такими, в которых противоборствующие стороны приходят к согласию. В некоторых случаях диалог просто прекращается (разрыв евхаристического общения в 2018 г. между РПЦ МП и Константинопольской православной церковью), в других – одна из сторон полемики оказывается за пределами Церкви, становясь ересью, а в третьем случае диспутанты достигают компромисса (подписание в 2007 г. «Акта о каноническом общении РПЦЗ и РПЦ МП»). Диалог ведётся внутри церкви и между представителями разных конфессий, деноминаций. Он может быть вполне успешным, особенно когда касается социальных вопросов, экологических проблем, темы войны и мира.

Но диалог обречён на провал в случае, если кто-то из его участников будет настаивать на корректировке вероучительных истин. Эти истины эксклюзивны, поскольку порождены уникальным мистическим опытом, от которого верующие в массе своей пока отказываться не желают¹. Для них в этом опыте открывается Абсолютная истина, пусть не полностью, пусть частично, но это именно – Она. В своей массе верующие убеждены, что религиозные символы, наполняющие жизнь Церкви, обладают сакральностью только потому, что прямо связаны с трансцендентной

---

¹ Рейтинг стран по уровню религиозности [Электронный ресурс] // Информационный портал NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/religiousness> (дата обращения: 7.01.22).

реальностью, образно говоря, оказываются «узенькой щёлочкой», через которую им открывается Божественное. Не через «преломления или отражения различными способами» (Хромцова, 2019: 225–226), как об этом говорят сторонники плюралистической теологии, а непосредственно, хотя пусть и частично. Именно в этом состоит природа религиозного сознания. Поэтому деабсолютизация вероучения закономерно будет вести к десакрализации религиозных смыслов или сначала к заметному понижению градуса сакральности, а в конечном счете – к смерти религии.

Сказанное, конечно, не отменяет того факта, что многое в жизни церкви носит изменчивый характер, что вполне осознаётся теми, кто причастен к религиозной жизни. Меняются отдельные элементы культа, нормы церковной организации, частные богословские мнения (Чапнин, 2020: 95–101). Но при этом суть христианства, его смысловое ядро, выраженное и закреплённое Церковью в догматах, сохраняет свою устойчивость и воспринимается именно как богооткровенная истина.

По поводу возможности диалога на основе принципов контекстуальной теологии, продуктивность которого, как было сказано, во многом зависит от трактовки истины, высказываются довольно противоречивые суждения. Так, некоторые сторонники этого направления выражают готовность к открытости, продуктивным контактам с различными субъектами религиозной жизни, выступают «за развитие более инклюзивного экуменического, транснационального, транскультурного и междисциплинарного диалога» (Селюсьен, 2021: 138). В искренности такого намерения сомневаться не приходится, т. к. оно закономерно вытекает из убеждения, что истина многолика, что она раскрывает себя различным образом в зависимости от контекста. А поскольку каждый контекст предполагает определённые условия, в рамках которых может быть сформулировано только относительное мнение, постольку это мнение доступно для корректировки в ходе полемики.

Однако коммуникативная практика, в которую включены сторонники контекстуализма, часто говорит об обратном. Так, критикуя стилистику обращения старой Церкви к своей пастве в виде предписаний, они сами нередко проявляют нетерпимость и радикальность высказываний. Естественно, что среди них есть разные люди, мнения которых, хотя и опираются на общие принципы, тем не менее демонстрируют заметный разброс, амплитуду, в рамках которой звучат как примиренческие голоса, так и откровенно враждебные по отношению к группам, выражающим другие точки зрения. Этот антагонизм является результатом абсолютизации места (контекста), от лица которого посылаются сообщения, и выливается в идейные столкновения: феминистки настроены воинственно по отношению к мужскому дискурсу, квир-теологи – к гетеросексуальной традиции, сторонники чёрной теологии – к интерпретациям в рамках европейской культуры, представители теологии освобождения – к восприятию христианства в рамках «богатого Севера» и т. д. В основе этой нетерпимости – убеждённость, что представители конкретного контекста имеют монопольное право на выражение истины. Как говорит Е.А. Степанова (2021: 27), «...в этом кроется одно из главных противоречий, связанных с самой природой контекстуализации: поскольку контекстуальная теология зависит от контекста, на который она стремится отозваться, то это означает, что она им же и ограничена».

Причём этот контекст можно почти до бесконечности дробить, удаляясь всё дальше и дальше от сакральных смыслов, лежащих в истоках христианского вероучения. Так, обвинения со стороны феминисток концепции черной теологии в неспособности выявить черную женскую субъектность в богословском дискурсе становятся основой черной вуманистской теологии, а критика последней закономерно выливается в рефлексии по поводу черной женской субъектности в рамках ЛГБТ и т. д. Излишняя фиксация на контексте оборачивается его абсолютизацией и обособлением. Хотя возникает вопрос, христианство ли это уже, если здесь происходит явное смещение акцентов и превращение исходного смысла. Не случайно, к примеру, в контексте гендерной теологии иногда звучат довольно трезвые самооценки, в которых её сторонники фактически выводят систему своих взглядов за рамки христианства. Так, Л. Шнайдер (2021: 175) констатирует: «...вполне возможно, что христианство не для квир-людей», одновременно выражая надежду: «...хотя, может быть, для них есть квир-Иисус». В перспективе развития контекстуальной теологии видится ещё более пёстрая карта христианского мира, чем это есть сейчас. При сохранении общего названия пред нами предстанут в значительной степени очень разнородные образования.

Итак, идеи, сформулированные в рамках плюралистической и контекстуальной теологий, являются выражением встречных процессов современности, первая из которых соответствует тенденциям глобализации и экуменизма, а вторая – в большей степени постмодернистской линии теологии. Логика развёртывания идей плюралистической теологии в направлении межконфессионального диалога вместе с тем ведёт к выхолащиванию специфики христианства, релятивизации вероучительных истин, утрате последними своего сакрального значения. В свою очередь, применение принципов контекстуальной теологии несёт угрозу цельности христианского вероучения, подменяет его общие смыслы тем, что к христианству прямого отношения не имеет. В каждом из этих подходов формулируются идеи, подспудно способствующие процессу разрушения христианства, хотя и без его явного отрицания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- Мельник С.В. Когнитивный межрелигиозный диалог: задачи, принципы, формы реализации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 2. С. 209–227. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2019.20.3.021>.
- Руткевич Е.Д. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 1. С. 5–25.
- Селюсьен Дж. Л. Джеймс Х. Коун и черная теология // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 2. С. 107–142. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-107-142>.
- Степанова Е.А. Теология в контексте: подлинность частного как вызов универсальности христианской истины. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 2. С. 7–37. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-7-37>.
- Хромцова М.Ю. Плюралистическая теология о возможных стратегиях на пути к конструктивному сосуществованию религий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 3. С. 221–234. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2019.20.3.053>.
- Чапнин С.В. Разговор о будущем Церкви. Содержательность, проектность, самоопределение // Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений : материалы первого семинара / под ред. С. В. Чапнина. М., 2020. С. 95–101.
- Шишков А. Кто скрывается в тени: контуры темной экклезиологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 2. С. 61–89. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-61-89>.
- Шнайдер Л. Гомосексуальность, квин-теория и христианская теология // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 2. С. 158–176. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-158-176>.
- Cobb J. B., Jr. Toward a Christocentric Catholic Theology // Toward a Universal Theology of Religion / L. Swidler (ed.). N. Y., 1987. 256 p.

References:

- Chapnin, S. V. (2020) Razgovor o budushchem Tserkvi. Soderzhatel'nost', proektnost', samoopredelenie [Conversation about the Future of the Church. Content, Design, Self-determination]. In: Chapnin, S. V. (ed.). *Sistemnye problemy pravoslaviya: analiz, osmyslenie, poisk reshenii. Materialy pervogo seminara* [Systemic Problems of Orthodoxy: Analysis, Comprehension, Search for Solutions. Materials of the First Seminar]. Moscow, pp. 95–101. (In Russian)
- Cobb, J. B. (1987) Toward a Christocentric Catholic Theology. In: Swidler, L. (ed.). *Toward a Universal Theology of Religion*. New York, Orbis Books. 256 p.
- Khromtsova, M. Y. (2019) Pluralistic Theology on Possible Strategies on the Way to Constructive Coexistence of Religions. *Review of the Christian Academy for the Humanities*. 20 (3), 221–234. Available from: doi: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.053. (In Russian)
- Melnik, S. V. (2019) Cognitive Interreligious Dialogue: Principles, Objectives, Forms of Implementation. *Review of the Christian Academy for the Humanities*. 20 (2), 209–227. Available from: doi:10.25991/VRHGA.2019.20.3.021. (In Russian)
- Rutkevich, E. D. (2014) From "Religiosity" to "Spirituality": the European Context. *RUDN Journal of Sociology*. (1), 5–25. (In Russian)
- Schneider, L. (2021) Homosexuality, Queer Theory and Christian Theology. *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 39(2), 158–176. Available from: doi: 10.22394/2073-7203-2021-39-2-158-176. (In Russian)
- Selusien, J. L. (2021) James H. Cone and Black Theology. *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 39 (2), 107–142. Available from: doi: 10.22394/2073-7203-2021-39-2-107-142. (In Russian)
- Shishkov, A. (2021) Who Is Hiding in the Shadows: The Outlines of Dark Ecclesiology. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 39 (2), 61–89. Available from: doi: 10.22394/2073-7203-2021-39-2-61-89. (In Russian)
- Stepanova, E. A. (2021) Theology in Context: the Authenticity of the Particular as a Challenge to Christianity's Universal Truth. Introduction. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 39 (2), 7–37. Available from: doi: 10.22394/2073-7203-2021-39-2-7-37. (In Russian)

Информация об авторах

О.Ф. Гаврилов – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=662080.

О.И. Жукова – доктор философских наук, зав. кафедрой философии и общественных наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=322565.

Е.Ф. Казаков – доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=743668.

Information about the authors

O.F. Gavrilov – PhD, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=662080.

O.I. Zhukova – D.Phil., Head of Philosophy and Social Sciences Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=322565.

E.F. Kazakov – D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Philosophy and Social Sciences Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=743668.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.01.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.